

В. П. ЗИНЧЕНКО

Сознание и творчество (точнее: сотворчество) — тайна двух, потому что со-знание с кем-то и со-творчество тоже с кем-то. Не с тем ли же самым кем-то? Попасть в резонанс, *обняться душами*... А потом и рассказать об этом, но на холодную — научную — голову.

А что после? Подвигнуть своим рассказом новых двух к со-творчеству, а потом и со-знанию.

Таким образом, две тайны или всё-таки одна-единственная, но зато тайна тайн?

Но... *как подумать о душе иначе, как самой душой?..*

Владимир Зинченко — тайновидец, но и тайнодержец, обладающий *умной душой* и ведущий нас *сквозь термины — к звёздам*.

ISBN 978-5-9551-0437-9

9 785955 104379 >

Вадим Рабинович

доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
член Союза российских писателей,
Международного ПЕН-клуба
и Русского ПЕН-клуба

В. П. ЗИНЧЕНКО СОЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСКИЙ АКТ

В. П. ЗИНЧЕНКО

СОЗНАНИЕ *и* ТВОРЧЕСКИЙ АКТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ —
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

В. П. ЗИНЧЕНКО

СОЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСКИЙ АКТ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 1/14
ББК 86.2
3 63

Подготовка и издание осуществлены при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 09-06-07011

Издание осуществлено при поддержке
Государственного университета —
Высшая школа экономики

Зинченко В. П.

3 63 Сознание и творческий акт. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 592 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0437-9

Книга известного психолога В. П. Зинченко посвящена наиболее загадочным проблемам современной науки — сознанию и творчеству. Автор не предлагает легких решений, а неспешно продвигается и ведет читателя за собой от представлений о потоке сознания к гипотезам о его полифонической структуре, охватывающей бытийный, рефлексивный и духовный слои сознания. Столь же основательно рассмотрены истоки творческой деятельности, лежащие в доопытной готовности младенца к неправдоподобно быстрому овладению языком и культурой. Автор видит тайну творчества в игре, взаимодействии, взаимопроникновении и обратимости внешних и внутренних форм слова, образа и действия.

В книге широко представлены традиции обсуждения проблем сознания и творчества, а также прозрения замечательных поэтов.

Книга предназначена не только профессионалам-психологам, но и широкому кругу обладающих сознанием читателей, думающих и понимающих, что сознание — это серьезно, а творчество — это и есть жизнь.

ББК 86.2

*В оформлении переплета использована картина
М. Эшера «Неразрывность союза»*

ISBN 978-5-9551-0437-9

© В. П. Зинченко, 2010
© Языки славянских культур, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	11
Предисловие	13

ЧАСТЬ I. СОЗНАНИЕ.....23

Глава 1. СОЗНАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ, ДЕЛО И ЗАДАЧА ПСИХОЛОГИИ	25
§ 1. Сфера сознания	25
§ 2. Онтологический аспект проблемы сознания	31
§ 3. Эволюция категории бессознательного в контексте анализа творчества	40

Глава 2. ОТ ПОТОКА К СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ	54
§ 1. Методологические замечания.....	54
§ 2. Редукция — бич сознания.....	69
§ 3. Общая характеристика сознания.....	75
§ 4. Диалогизм и культурно-историческая природа сознания.....	76
§ 5. Бытийность (со-бытийность) сознания	81
§ 6. Смысловые черты сознания.....	86
§ 7. Полифония сознания	90
§ 8. Смысловой персонализм М. М. Бахтина.....	92
§ 9. Полифоническое мышление	97
§ 10. От потока к активному покою	101
§ 11. От ткани сознания к духовному организму.....	104
§ 12. Требования к описанию структуры сознания	109

Глава 3. ЖИВОЕ ВРЕМЯ (И ПРОСТРАНСТВО) В ТЕЧЕНИИ ФИЛОСОФСКО-ПОЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	115
---	-----

Глава 4. ГЕНОМ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ	155
--	-----

Глава 5. ХРОНОТОПИЯ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ	182
§ 1. Понятие «хронотоп».....	183
§ 2. Мамардашвили открывает Декарта психологам.....	192
§ 3. Опыт визуализации хронотопа.....	204

Глава 6. СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ	224
§ 1. Глубина восприятия и понимания и уровни активности	224
§ 2. Еще раз о категории бессознательного	239
§ 3. Хронотопическая структура сознания: слои и их образующие	249
§ 4. О духовном слое сознания	265
§ 5. Структура сознания в целом	275
Глава 7. ЧЕЛОВЕК И МИР КАК ТЕКСТ. БАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ ЯЗЫКОВ	280
§ 1. Дар языков	280
§ 2. Мир — политекст. Взаимодействие языков	285
§ 3. Язык сильнее нас	292
§ 4. От языка к миру. Проблема предметности	296
§ 5. Взаимодействие языков	298
Глава 8. ПОРОЖДЕНИЕ И МЕТАМОРФОЗЫ СМЫСЛА: ОТ МЕТАФОРЫ К МЕТАФОРМЕ	306
 ЧАСТЬ II. ТВОРЧЕСКИЙ АКТ	331
Вступительные замечания	333
Сознание. Культура. Творчество	333
Глава 9. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	341
Глава 10. МЫСЛЬ И СЛОВО: ПОДХОДЫ Л. С. ВЫГОТСКОГО и Г. Г. ШПЕТА	371
§ 1. Контур проблемы: что такое мысль?	372
§ 2. Слово как путь к истокам мысли (точка расхождения)	379
§ 3. Слово и мысль у Л. С. Выготского	385
§ 4. Слово и мысль у Г. Г. Шпета	391
§ 5. Слово без слова. Проблема остается	396
Глава 11. МЫСЛЬ И ДЕЙСТВИЕ	400
§ 1. Испарение действий в умственных действиях	400
§ 2. Поиск действий в умственных действиях	407

Глава 12. В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО	415
§ 1. Слово — princip cognoscendi	415
§ 2. Гетерогенность внутренних форм слова, действия и образа	419
§ 3. Шепот прежде губ: ранние стадии культурного развития ребенка	433
§ 4. Некоторые следствия гетерогенеза языков описания реальности	461
Глава 13. ДООПЫТНАЯ ГОТОВНОСТЬ ОВЛАДЕНИЯ СЛОВОМ И ПРИОБЩЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ.....	468
Глава 14. ВЫСКАЗЫВАНИЕ И МОЛЧАНИЕ	488
Глава 15. ГЕТЕРОГЕНЕЗ ТВОРЧЕСКОГО АКТА.....	503
§ 1. Возможно ли преодоление дихотомии «внешнего» и «внутреннего»?	503
§ 2. Метафора плавильного тигля	509
§ 3. Викарные действия с нереализуемыми вовне моторными программами	514
Глава 16. НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ ИНТУИЦИИ И ОПОСРЕДОВАННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТА	519
§ 1. Интуиция и интеллект.....	519
§ 2. Нужно ли преодолевать постулат непосредственности?	528
Действительность творческого акта.....	547
Вместо заключения.....	547
Литература	567

ОТ АВТОРА

*Ищем тайн, ибо скорбь в сочетании с ними
Помогает расти.*

Р. М. Рильке

Перед читателем лежит не совсем обычная — чтобы не сказать довольно странная книга, посвященная двум тайнам — сознанию и творчеству, которые вместе, возможно, составляют общую или единую тайну. Не буду вводить в заблуждение: по прочтении книги тайна таковой и останется, разве что со следами авторских прикосновений. Не все из них носят мои отпечатки. Есть и другие, принадлежащие *заслуженным собеседникам*. Хотя, конечно, у меня нет уверенности, что в их глазах я оказался бы заслуживающим внимания. Пусть потерпят. Кстати, из их трепетного и бережного отношения к тайне следует, что тайну надо полюбить, тогда она, возможно, поближе подпустит к себе. Однако не надо обольщаться, ибо ничто не вечно под Луной, кроме вечных проблем бытия и сознания.

Странность книги в том, что я весьма смутно представляю, для чего она написана. Скорее всего, из любопытства, интереса, из бескорыстного желания понять, что такое сознание и как оно связано с творчеством. Возможной причиной стала усталость от заказных исследований, которых в моей жизни было немало. Интерес и любопытство повлекли меня далеко за пределы моей профессии — психологии. Это вовсе не означает, что я ей изменил или захотел овладеть другой профессией. Перефразируя Аристотеля, скажу о своем отношении к психологии: много есть наук полезней, лучше нет ни одной.

В книге читатель встретится с утверждением, что сфера сознания, подобно ноосфере, духосфере, семиосфере, не имеет собственника, она — ничья, что не мешает — скорее помогает — тому, чтобы каждый человек обладал своим собственным сознанием. Ничейность сознания должны учитывать не только его носители — отдельные индивиды, но и науки, включая психологию и философию. Ведь сознание еще не построило себя в качестве предмета изучения той или иной науки, как и науки

вообще. Ему даже не удалось построить себя в качестве предмета междисциплинарного исследования. Разные дисциплины не могут договориться о своем собственном языке (и предмете), где уж им выработать общий язык. Однако это не означает, что между разными науками, прикасающимися к сознанию, невозможны эффекты резонанса.

Я воздерживаюсь также от сколько-нибудь определенного ответа на вопрос, где лежат тайны сознания и творчества: в Абсолюте, в бытии, в мире, в бессознательном, в культуре, в деятельности, в языке, в детстве человеческой истории или в детстве ребенка, в душе, наконец. Может быть, тайна сознания заключена в нем самом? Оно ведь, как дух, веет, где хочет. Сознание находится между и внутри всего перечисленного, может и подниматься над всем, становится надмирным. Сомневаюсь, что оно может стать разделяемым всеми — всемирным сознанием. Случись такое, в нем бы отпала нужда, оно бы исчезло, самоуничтожилось. Как общность, так и различия в сознании и в культуре — это непреходящие ценности.

Чтобы полностью не следовать апофатической традиции, к сказанному выше «не» добавлю одно «да». Я предлагаю свою версию ответа на вопрос: зачем сознание? Читатель — свободен: он может с ней согласиться или не согласиться. Меня даже устроит, если он придет к выводу, что сознание низачем, только ради самого себя. Как ради самих себя духовность и искусство, человеческая свобода и достоинство, поэзия и философия, талант и совесть.

Именно такому, обладающему сознанием читателю, думающему и понимающему, что сознание — это серьезно, а творчество — это и есть жизнь, адресована настоящая книга.

Март 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человеку и человечеству нужно бодрствующее сознание, а не только бодрствующий мозг. К сожалению, эта, казалось бы, очевидность требует доказательств, в том числе и напоминания о былых аргументах, к которым люди не прислушались. В книге «Возвращение из СССР», написанной Андре Жидом после визита в СССР в 1936 г., мы читаем: «И я не думаю, что в какой-нибудь другой стране, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более порабощено» [Жид 1990: 544]. Порабощение, начавшееся в 1917 г., было ужасным и не предвещало ничего хорошего, о чем писали И. Бунин, М. Горький, Ф. Степун и многие другие. Приведу свидетельство И. Эренбурга, относящееся к 1919 г.: «Большевики не преобразуют жизнь, даже не переворачивают ее вверх дном, они просто ее останавливают. Разложением, гниением они заражают всех и все. Разложили армии свои и чужие. (...) Разложили меньшевиков и эсеров, как только наивные “политики” стали беседовать с ними помимо тюрем и чрезвычайек. Разложили интеллигенцию, превратив ее в какое-то жуткое племя “советских служащих”. Кажется, запах гниения донесся, наконец, до изысканных аллей Версальского парка. Не капитализм или коммунизм, но “жизнь или смерть”. Пусть Европа выбирает» [Эренбург 1919]. Ее выбор, совершившийся далеко не сразу, известен, а мы все колеблемся, потому что у нас порабощение и опустошение сознания длилось еще долгие десятилетия.

Тем не менее нужно признать, что главные достижения в изучении сознания относятся к тем, советским, временам. А. М. Пятигорский как-то сказал, что советское время — это не сезон для мысли. С. С. Аверинцев назвал это время хронологической провинцией, а В. А. Подорога — тоталитарной паузой, выпадением из мирового времени. Однако мысли рождались, в том числе несезонные и далеко не провинциальные. Они приходили не сами собой, не как «божьи дети» (так описывал приход мыслей Гёте), а благодаря духовному усилию, мужественной воле к бытию,